

**ОЛЬГА ГРЕЙГЪ
АЛЕКСАНДР РУДАКОВ**

КЁНИГСБЕРГ-13

**ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА
ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ**

Александр Рудаков
Ольга Ивановна Грейгъ
Кёнигсберг-13, или Последняя
тайна янтарной комнаты

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23579580

*Кёнигсберг-13, или Последняя тайна Янтарной комнаты / О. Грейгъ,
А. Рудаков: Алгоритм; Москва; 2019
ISBN 978-5-907120-28-0*

Аннотация

В 1941 году немцы вывозят из России в Кёнигсберг уникальный раритет – Янтарную комнату, но в конце войны следы ее теряются в лабиринтах городских подземелий. Каждый, кто впоследствии прикасался к тайне ее исчезновения, умирал при странных обстоятельствах. И только гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох до последних дней своей жизни в 1986 году знал, что так и должно быть, ведь именно он руководил магическим проектом «Кёнигсберг-13», в котором была задействована Янтарная комната...

Впервые вся правда о тайне Янтарной комнаты, – которая была включена в глобальный эзотерический проект фюрера Третьего рейха А. Гитлера, который, как утверждают историки, «общался с Великими Неизвестными». В гонке за обладание тайными

знаниями, которыми в XX веке апеллировали ученые и бонзы Третьего рейха, уже в наши дни соревнуются секты, ордена и крупнейшие мировые банки, а также самые сильные разведки мира, вплоть до сверхсекретной разведки Ватикана. Обо всем этом – в книге известных авторов Ольги Грейг и Александра Рудакова.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	46
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ольга Грейгъ, Александр Рудаков Кёнигсберг-13, или Последняя тайна Янтарной комнаты

Глава 1

Москва, Новый Арбат

Вечерело, когда плотный, неприметного вида человек в добротном костюме грузно осел, издав только краткое «о» вместо оханья или всхлипа, возвещавшего пересечение черты, которая отделяет жизнь от смерти. Неспешное количество занятых собой и любованием города людей не сразу обратило внимание на человека, опускавшегося на поджатые колени, съезжавшего по дверце престижного темного авто, припаркованного на Новом Арбате. Еле слышимый перед тем хлопок заглушил рев мотоцикла, резко сорвавшегося с места и умчавшегося по шоссе, исчезнувшего в транспортном потоке. Кто-то из прохожих вдруг остановился, озираясь

и призывая в свидетели других проходящих мимо, мало-помалу подтянулось еще пару человек, подступая к неподвижно лежащему в явно неудобной позе телу. Женщина в ярком платье вдруг громко вскрикнула, прося неизвестно кого срочно позвонить в полицию, хотя человек, возможно, в первую очередь нуждался в помощи врача.

Но пока происходили все эти телодвижения, суетливо очерченные в зеркальных окнах арбатской высотки, тот, кто явился невольной жертвой чьей-то расправы, успел еще подумать: *вот как это бывает... всё... теперь её черёд...* Но что и кого имел в виду испускавший последний вздох, узнать уже было невозможно. Лишь рука, вытянувшись и дернувшись по направлению к находившемуся рядом строению, подчеркнула трагичность ситуации. Тот, кто наклонился над ним, чтобы пощупать пульс, явно отметил дорогие часы желтого металла, выглядывавшие из-под белого манжета, оттянутого немного назад при падении и показавшего часть холерной руки пожилого человека.

* * *

Молодая, симпатичная особа выпорхнула из массивной стеклянной двери высотного здания, чуть улыбаясь озаряемым вечерним солнцем домам, плотно толпившимся на противоположной стороне улицы. Она любила свой город, любила эту его часть, эту пору года, когда скоро осень, но еще

продолжается лето, и можно даже в таком мегаполисе наблюдать краски, характерные только типично тосканскому пейзажу. Прямо как сейчас, когда скользнувшее в мозгу милое воспоминание о прекрасной Италии, о янтарных красках волшебного искусства живописи великих мастеров породило на ее лице загадочность, сродни джокондовской. Впрочем, сама она об этом не думала. Она просто была довольна этим днем, удачным завершением эфира, хорошим собеседником и своей проникательностью. Как любому журналисту, ей была характерна некая самоуверенность, граничащая с нахальством, которым зачастую прикрывают стеснительность и незнание истинной глубины предмета разговора.

В рекламной витрине она успела заметить приглашение на выставку в Пушкинский музей «Наследники Лукаса Кранаха. Европейские мастера XVII–XVIII вв.». *Он тоже вспоминал Кранаха, – вскользь подумала журналистка, – значит, ему тоже бросилась в глаза эта реклама.*

В здании, откуда вышла молодая женщина, на одном из верхних этажей, располагался офис радиостанции «РОССИЯ+», одного из самых престижных радиоканалов страны. Многие москвичи, как свидетельствовал рейтинг, начинали свой день именно с этой станции, узнавая обо всех столичных, а также российских и мировых новостях, заодно ориентируясь на объявления о пробках и перекрытых магистралях, о мелких происшествиях и серьезных ЧП. Здесь, как придаток к новостям и добротной музыке, мелькали по-

литики, но их представляли то смешными, то нервными, часто озабоченными тем, как выкрутиться, не ответив на неприятные вопросы. Радиоведущая Ольга Хлебникова, когда-то успешно освоив тактику *препирания в угол*, получила свою программу «Врата Времени», куда зазывались историки, ученые, политики, писатели и коллекционеры, в эфирное время рассуждающие на глобальные околоисторические темы. Сегодня ей предстояло добиться от малознакомого, виденного ею прежде всего лишь раз на посольской вечеринке представительного мужчины, ответа на загадку русского трагического века: *в чем же истинная цель похищения знаменитой Янтарной комнаты и где этот раритет может находиться по сию пору?* Тема не новая, но предполагала массу любопытного, если учесть, что этот человек, как ей сказал на ушко ее *конфиденциальный источник*, имел отношение к тайнам Третьего рейха, работая *по этой линии*. То, что незнакомец, представленный как фон Краузольд, подал ей, как приятельнице, с которой он может иметь в дальнейшем дело, визитку с именем Якова Сигизмундовича Краузольда, ее нисколько не смутило; в этой стране приставка фон давно вышла из обращения, впрочем, и в самой в Германии все эти родовые приставки у многих, будь они озвучены, могли бы вызвать лишь ироническую улыбку передовых новообращенных демократов по отношению к седой и дряхлой родительской старине...

Ольга опустила руку в карман, случайно для себя наткнув-

шись на подарок сегодняшнего гостя – безделицу, сувенир, по всей видимости, из плавленного или даже искусственно-го янтаря в виде небольшой толстой пластины с вытесненным на ее поверхности рисунком под древнюю Грецию. Она только хотела вытащить сувенир, чтобы еще раз поглядеть на него при уличном свете, как обратила внимание на толпящихся у края дороги и явно нервничающих людей, с которыми разговаривает полицейский, а также подъезжавшую к месту происшествия машину скорой помощи. Она тут же направилась в негустую толпу свидетелей и любопытных, чтоб посмотреть что к чему. Но как только в ракурс ее взгляда попала правая рука с дорогими часами на запястье, безжизненно упирающаяся в асфальт, она взволновалась, отогнав колеблемые воздухом тосканские краски и хорошее, почти праздничное настроение. Сомнений быть не могло, она внимательно осмотрела фигуру, да, это был он, еще недавно говоривший на всю страну человек, Яков Сигизмундович Краузольд. И, значит, пресловутое «восьмое чудо света», коим была наречена Янтарная комната, продолжает забирать свои жертвы. Ольга вдруг всполошилась, она не знала, что предпринять: звонить главному редактору, озвучивая свои предложения как новость, или же бежать с этого места куда глаза глядят. Беспокойство, миг охватившее женщину, толкало ее на исполнение плана побега. Кто-то прислонился к ней, подойдя слишком близко сзади. И тогда Ольга, избегая пристального взгляда находившегося тут же полицейского,

успев заметить, как выскакивают из подъехавшей машины медики, развернулась, чтобы как можно скорее оказаться в каком-нибудь другом месте. Где можно будет успокоиться и все хорошенько обдумать.

Глава 2

Примерно в то же время, когда журналистка покидала место происшествия, мужчина, сидевший за столиком кафе на Новом Арбате, примыкавшего к тому же зданию, где располагался офис радио «РОССИЯ+», также в соответствии с техногенной архитектурой забранного в сталь и стекло, приложил к уху трубку сотового телефона. Глядя в окно и прикрывая телефон другой рукой, он что-то быстро произнес тихим, но явно взволнованным тоном.

– Да, – еще раз ответил мужчина, отвечая на прозвучавший вопрос.

Он сидел за круглым пластиковым столиком вполоборота к окну, с его места хорошо просматривался отрезок улицы, где несколько минут назад произошло убийство; посетители заведения еще не выказывали беспокойства, то ли делая вид, что их не интересует ни происходящее здесь, в зале, ни там, за окном, то ли не поняв что же произошло вовне. Разве что молодая парочка, сидевшая за соседним от человека, который только что звонил по телефону, столиком, оторвалась от своего занятия с явным намерением взглядеться повнимательней в то, что происходило на улице.

Молодой мужчина, оставив на столе купюру, поднялся со своего места и торопливо зашагал к выходу. Сразу стало видно, что это крепкий малый явно спортивного телосложения,

предпочитавший стиль милитари. Девушка-официантка за его спиной подошла к опустевшему столику, обнаружив купюру, незаметно кивнула тому, кто выполнял роль охранника, занявшего позицию у стойки. Посетитель кафе открыл дверь и вышел на улицу, впустив одновременно новых гостей.

* * *

Ольга Хлебникова быстрым шагом приближалась к высотке со шпилем, где, как известно, располагалось МИД. Она собиралась по московской заведёнке поймать машину, чтобы добраться домой. Но в душе отчаянно понимала, что ей страшно и она вовсе не хочет ехать домой. Было еще не поздно и девушка решила сменить маршрут, добравшись на метро к подруге, жившей на юго-востоке мегаполиса. Она не стала звонить, предупреждая о визите, и уже через короткое время ехала в метро, заняв случайно так вовремя освободившееся место и застыв в задумчивости. Рукой она нащупала лежавший в кармане сувенир, но не решилась его достать, оставив это на потом. Предмет, связавший ее с убитым (а то, что человек, приходивший к ней в студию, мертв, журналистка почти не сомневалась, хотя и не дождалась действий врачей, красноречиво свидетельствовавших бы о развязке), был ей совершенно не нужен; она не коллекционировала безделушки, не принимала дешевые подарки, предпо-

читая в свой дом приносить вещи, которые выбирала сама. Но сегодня что-то пошло не так. И это «грохнули», – слово, которое она услышала на месте, где оставила тело, и которое (как она сейчас осознала) и заставило ее быстрее ретироваться. И эта безделица, отданная ей в руки прямо в студии, но как бы тайком, и от которой она не посмела отказаться. И эта тема, за которую взялась, и которая, как она уже хорошо знала из СМИ и других источников, возможно и могла стать причиной гибели пожилого человека с приставкой *фон*.

Сегодня пятница, а тема *Янтарной комнаты* обсуждалась в эфире «РОССИЯ+» уже неделю, если не считать прежних редких интервью, которые не планировались как теперешний цикл. И, значит, с понедельника она приняла в студии пять собеседников, в вечернем эфире говоривших ей о загадках солнечного камня и редкостном шедевре отечественной культуры, вокруг которого крутились имена разновеликих личностей истории: пруссаков – Фридриха I, Вильгельма I, русских – царя Петра I, императрицы Елизаветы Петровны, а еще – Фридриха II, товарища Сталина, товарища Гитлера, гаулейтера Эриха Коха и даже американского бизнесмена Арманда Хаммера.

Всего несколько лет назад этот шедевр был восстановлен специалистами Царского Села, имевшими в своем распоряжении 89 трофейных фотографий, сделанных немцами в Кенигсберге в 1942 году, когда украденная комната хвастливо выставлялась на обозрение. Но уже с 1945 года вся комна-

та, вернее, ее уникальные панели превратились в *янтарный призрак*, за которым охотятся специалисты разных стран. Даже тогда, когда в XXI столетии в Екатерининском дворце Царского Села под Санкт-Петербургом взорам отечественных посетителей и иностранных туристов во всей своей красе открылась возрожденная Янтарная комната, страсть найти первоисточник не оставляет страждущих профессионалов и любителей.

Вместе с потоком людей Ольга вышла из вагона, чтобы попасть на другую линию. Доехав в конце концов на *станцию Печатники*, она вырвалась из метрополитена, раз за разом глубоко вдыхая городской воздух в надежде обрести уравновешенность. Идти оставалось немного, благо обычная, ничем не примечательная панелька, куда ей требовалось придти, находилась в непосредственной близости от станции. Там и жила ее подруга с непривычным уху именем Амза, чья семья много лет назад переехала в Москву из Абхазии. Отцом Амзы был отставной военный, из русских, а мать абхазка. Поговаривали, о чем ей сразу же после знакомства сообщила новая подруга, что ее бабушка происходила из древнего рода и могла гадать и заговаривать. Так это или нет, Ольга не знала, но полагала, что правда, потому что сама Амза занималась именно таким бизнесом: гадала желающим на картах Таро. К ней уже давно ходили только через знакомых. Правда, поток посетителей нельзя было назвать многолюдным.

Ольга любила бывать у подружки. Ну кого из романтических натур не восхитит загадочная обстановка из горящих свечей и загадочных предметов, будто бы имеющих свое магическое назначение? Когда-то на вопрос Ольги зачем Амза создала такой интерьер, и верит ли сама в карты Таро, женщина, будучи и сама немногим старше радиоведущей, ответила:

– Может, прихоть, может зов. Но так, согласишься, интересней. Да и сама ты понимаешь, что тот, кто идет ко мне, ожидает увидеть именно такой вот интерьер.

Обе они тогда посмеялись. Но дружба их, раз завязавшись, стала только крепнуть.

Ольга быстрым шагом подошла к подъезду и, набрав код и открыв тяжелую дверь, вошла внутрь.

* * *

Тот, кто ехал с ней всю дорогу, остановился неподалеку, закуривая, затем набрал номер телефона и продиктовал адрес, по которому прибыла журналистка. После чего, постояв еще с минуту, и делая вид, что кого-то поджидает, вернулся обратно в метро, чтобы приехать в *бункер*, где собирались члены их группировки.

Бункером было небольшое подвальное помещение, арендованное под спортивный клуб, куда приходили тренироваться крутые пацаны и мальчишки из соседних дворов, никогда, впрочем, не попадавшие в закрытую от взглядов ка-

морку, располагавшуюся дальше по коридору, в стороне от общего зала. В эту каморку, где прислоненный к стене стоял нацистский флаг с развернутым полотнищем и где все стены были испещрены цитатами из *Mein Kampf* и фотографиями нацистских бонз, иногда, в определенные дни и часы приходили те, кого в обществе презрительно называли неонацистами. В этом районе, в этой конкретной группировке пока состояло двенадцать человек, и каждый из них был уже проверен *в деле*. Самое любопытное, что одним из членов отторгаемой обществом группы молодежи была девушка, купившаяся на странное пристрастие к нацизму через любовь к вождю группировки.

Тот, кто сидел в кафе на Новом Арбате, и кто следовал за Ольгой Хлебниковой по пятам, не был главарем. Он был в их тайной иерархии на вторых ролях, входя в круг приближенных *Wolf'a*, – того, кто руководил всеми, кто планировал мстительные операции, кто обучал их всему и вместе с тем отвечал за их собственную безопасность.

Глава 3

Как и ожидалось, Амза оказалась дома. Она не часто выходила по делам, предпочитая работать на дому. Пока законодательство страны либерально относилось к гадалкам и экстрасенсам, Амза предпочитала зарабатывать себе на жизнь продажей надежд на лучшее, причем, едва ли не в прямом смысле, не отходя от спального места. Она жила в однокомнатной квартире, и, сложив и заправив ярким покрывалом огромный диван, превращала комнату в офис предсказательницы с ее классическим атрибутом в виде стеклянного шара, магических кристаллов, свечей разных цветов и размеров, многочисленных восточных безделушек, засушенных розовых лепестков в вазах и прочей театральной мишурой.

Лифт, остановившись на пятом этаже, привез Ольгу прямо к порогу подруги. На звонок вышла милостивая женщина восточной внешности со слегка выющимися густыми волосами и пронзительными темными глазами. От отца ей досталась разве что русская фамилия. И, имея русскую фамилию, девушка иногда представлялась не Амзой, а Анной. Город, вобравший в себя все мыслимые национальности мира, зачастую был нетерпим к кавказцам. Хотя до сего дня никаких инцидентов с Амзой-Анной не происходило, она хранила след, оставленный в старших классах школы, когда к ним, на какую-то вечеринку, попал парень со стороны, выка-

зывавший расистские взгляды, и явно цепляясь к ней с грязными намерениями. Ее тогда защитили одноклассники, но осадок остался.

Завидев подругу, Амза расплылась в улыбке, и глаза ее сразу же сделались влажными.

– А я думаю, кто там. Ведь никого не записывала на встречу на это время. Смотрю в глазок – ты. Ну проходи.

Ольга устало плюхнулась на диван, подобрала под себя ноги, и, перебивая саму себя, то забегая вперед, то возвращаясь к самому главному зрелищу, начала рассказывать обо всем, чему стала свидетельницей, и какие домыслы уже успели зародиться в ее голове за то время, пока она добиралась сюда. Ей даже не пришлось собираться с духом, чтобы спросить:

– Как думаешь, я могу быть причастна к этой смерти?

– С чего ты взяла? При чем здесь ты?

– Но ведь это я пригласила его на эфир. И ведь *это* случилось как только он вышел из нашего офиса.

– Резонно, – подметила подруга. Чтобы как-то утешить гостью и самой собраться с мыслями, она ушла на кухню приготовить чай.

Ольга поплелась за ней следом. Пока закипал чайник, доставалось печенье и нарезался сыр, обе молчали. Амза раз за разом открывала холодильник, заставляя прикрепленный на магнит колокольчик издавать жалобное короткое звяканье. Единственным давним пристрастием Амзы были эти самые магниты, крепящиеся на дверцу холодильника и железные

части кухонного интерьера. Понимая глупость подробного увлечения, Амза тем не менее не оставляла этого занятия. На дверце ее холодильника можно было видеть безделушки из разных стран. Даже дешевые глиняные поделки с чернокожими человечками, подписанные *С приветом из Конго*, были завезены сюда давним приятелем Амзы, работавшим на круизном лайнере. Этот мусор годился разве что для того, чтобы держать листки с напоминаниями что нужно сделать тогда то и тогда то, и кого ждать в гости в назначенный час того или иного дня. Именно для этой цели Амза и использовала разноцветные магнитные сувениры. Дверца ее холодильника была увешена не только безделушками, но и небольшими разноцветными листками, на которых что-то значилось.

Оказавшись на кухне, Ольга вспомнила о том, что хранилось в ее кармане, и о чем она не успела сказать подруге. Она опустила руку и выложила на кухонный стол предмет, который мог хранить в себе некую загадку, а мог ничего не значить.

– Смотри, – сказала она, – вот этот предмет мне отдал мой гость.

Девушки склонились над безделицей, поочередно беря ее в руки и рассматривая. На одной из сторон этого небольшого сувенира был рисунок. И сам янтарный прямоугольник, и картинка на нем выглядели примерно так:

Загадочная золотая пластина из подземных тоннелей Эквадора; попала в коллекцию падре Креспи в начале XX в.

Ольга даже подумала, что где-то уже видела подобное, причем не так давно, но никак не могла вспомнить. Она взяла вещицу из рук Амзы, повертела ее в который раз, убедившись, что на других сторонах прямоугольника толщиной менее сантиметра, ничего больше не изображено и не написано, кроме разве что непонятных царапин на обороте. Сувенир был легким, так что вряд ли он что-то скрывал в себе, кроме опасности, кроющейся в том, что произошло с его хозяином. «Впрочем, – подумала Ольга, – если бы эта вещь действительно чего-то стоила и была так важна, он бы никогда не расстался с ней так бездумно, в мгновение ока».

– Да, здесь ничего нет, – сказала и Амза, – просто пластмассовый брикетик под янтарь, хотя выглядит как настоя-

щий. Ведь ты же не думаешь, что это натуральный янтарь? Но даже если и так...

Ольга не знала, что и думать, но, похоже, ее подруга была права.

– ...эта вещица годится разве что для моего холодильника, – улыбнулась абхазка.

– Может быть, – подтвердила Ольга, пока не решившая что будет делать дальше с нечаянным подарком.

* * *

Проехав с пересадками до Бауманской, молодой мужчина, отдававший явное предпочтение милитаристскому стилю в одежде, который так нравится экзальтированным юным барышням еще со времен средневековых рыцарей и позднейших гусаров, в одном из переулков вошел в дверь с надписью на табличке, гласящей, что именно здесь находится спортивный детско-юношеский клуб «Русский стиль». Зайдя внутрь и миновав охранника, мужчина прошел мимо открытой двери в зал, в котором кто-то из тренеров выкрикивал команды ученикам, минул раздевалки и подсобное помещение, углубился в полутемный коридор, пока не оказался перед запертой дверью, на которой неровным шрифтом было выписано: «Выхода нет, путик». Мужчина оглянулся и издал негромкий условный стук.

Звездочёт уже получил информацию о том, что произошло с Яковом Краузольдом, и ничего хорошего на ближайшее время это не сулило. Дело в том, что человек с оперативным псевдонимом Звездочет, а в миру Александр, уже несколько лет неустанно «вёл» объект, пытаясь раздобыть то, что знал родственник немецких баронов, а именно – секретные списки подлодок Третьего рейха, исчезнувших таинственным образом в дни окончания Второй мировой, и на которых, как предполагал сам Александр, и что подтвердили годы тайно ведущихся расследований, нацисты вывезли огромные ценности, экспроприированные ими в далекие 40-е на территории европейских стран и в СССР; в том числе, возможно, и Янтарную комнату из Царского села. Кроме списка, Александр был уверен, у барона имелись координаты, куда ушли эти загадочные подлодки, не обозначенные ни в каких секретных бумагах ведомства *Папы Дённица*.

Он сел в кресло, полностью расслабляя мышцы и тело, прикрыл глаза и сосредоточился на крохотной точке, возникшей в потустороннем от света пространстве. Его мысли лихорадочно работали, просчитывая несколько ходов одновременно. Он был одним из немногих, кто знал, кем на самом деле был Яков Сигизмундович фон Краузольд, каким образом к нему попали сверхсекретные списки (если попали

вообще), и что этот мало светящийся на публике человек делал в России. Он появился в стране недавно и имел намерение попасть в бывшую немецкую вотчину, закрытый в годы советской власти город Калининград (бывший Кёнигсберг).

Фон Краузольд, чьей конечной целью было попасть в город, и что *вычислил* Звездочет, ничем себя не выдавал, принимая лишь незначительные, но деятельные шажки. Однако, в конце концов, состоялась связь между фон Краузольдом и *объектом X*, генетическим хранителем нацистских тайн, к которому давно хотел подобраться и Звездочет. О том, что сеанс связи состоялся, стало известно от *своего* человека Андрея, живущего на постоянной основе по конспиративной программе неподалеку от *объекта X*. Тайная поездка и встреча еще не состоялись, но срок был озвучен, и время его неумолимо приближалось. Если бы не этот трагический случай, сорвавший многолетнюю операцию, подготавливаемую командой Звездочета.

Уже было известно и то, что немец вскоре намеревался покинуть Россию. Операция близилась к завершению, многие уже даже потирали руки в предвкушении осуществления давно подготавливаемого желанного конца, как произошло несчастье. Конечно, этого тоже нельзя было исключать, но пока никаких лишних телодвижений возле фон Краузольда не было, все *хвосты* Звездочету и его людям удалось обрубить еще прежде. Значит, обрубали не все... и это сулило весьма существенные затруднения. Ведь никаких бумаг

и документов при себе у трупа не обнаружено, в квартире, которую человек снимал до своей кончины, тоже ничего не было (что аккуратно, чтобы не навести подозрений, проверялось не раз). Но следовало бы направить людей в это съемное жилье еще раз, для проформы. И осмотреть тело и одежду. Более внимательно, более профессионально. Не забыв и о машине, о которой уже позаботился *свой* человек из городского ГИБДД, приказав подчиненным перегнуть транспортное средство убитого на закрытую стоянку вдали от центра. И сделать все шито-крыто, как было не раз, но при этом не перейдя никому дорогу, если таковые любопытные из числа фээсбэшников, полиции или некой третьей силы найдутся. А то, что они найдутся, Звездочет не сомневался. Как и в том, что ему еще встретятся те, кто заказал это убийство, свершившееся так не вовремя.

Ему вновь предстояло заняться вычислением, куда могло деться искомое. Но Звездочет даже не подозревал, что когда это искомое обнаружится, он будет наделен тайной, взрывающей не только мозг всех живущих на земле *хомо сапиенсов*, но и мозг всей сущей Планеты, если представить этот громадный, вертящийся в пространстве Вселенной шар, живым организмом.

Глава 4

Мужчина атлетического телосложения вошел в раскрытую дверь и оказался в помещении, которое двенадцать человек именовали между собой бункером. Там его ждал только один присутствовавший, чья кличка или, как он считал, тайное имя было наколото на тыльной стороне руки, возле большого пальца. *Wolf* протянул руку вошедшему, и мужчины поздоровались крепким пожатием. Того, кто пришел, звали обычным именем Антон, но так как он был слишком светловолос, его друзья прозывали его еще Белобрысым.

Помещение было невелико, обстановка спартанская, крашеный дощатый пол, массивный стол, несколько стульев, полка с книгами да продавленный, одной стороной упертый в угол диван, иногда служивший временным пристанищем для кого-то из группы. И если б не атрибуты, прямо указующие на увлечение нацизмом, да не современная аппаратура в виде компьютера, эту комнатку можно было бы принять за жилище гастарбайтера, получившего ее как бонус от ЖЭКа за свою работу дворника.

– Ну? – в лоб спросил тот, у кого имелась небольшая наколка в виде слова *Wolf*.

– Да нормально, – ответил пришедший. – Не знаю, зачем тебе она понадобилась, но симпатичная девушка пошла домой.

– Не домой, – отрезал *Wolf*, но уточнять не стал, так как не было надобности. Пока ему не поступало никаких распоряжений относительно журналистки и ее окружения. Все, что просили сделать, его человек уже сделал и вернулся.

* * *

Немного отдохнув и придя в себя, Ольга стала собираться домой. Сделав глубокий вдох, уже на пороге девушка в порыве непонятной щедрости вложила в руку подруги янтарную безделицу.

– Оставь себе, не хочу, чтобы она мне что-нибудь напоминала. Не хочу негатива. Поеду-ка я домой.

– Давай подвезу, – предложила Амза.

– Не надо, доберусь, словлю машину.

– А твоя надолго в ремонте?

– Заберу через пару дней.

– Тогда хоть такси вызови. Чтоб я за тебя не волновалась.

– Пожалуй, я так и сделаю.

Ольга задержалась ненадолго, чтобы дождаться, когда к подъезду подъедет заказанная машина. Выйдя на улицу и ловя ртом вечернюю прохладу, она подумала, что ей нужно сделать прежде всего. А прежде всего следовало бы позвонить коллегам, и спросить, не вывесили ли уже ее последнее интервью на официальный сайт радио «РОССИЯ+». Возможно, она еще успеет внести некоторые коррективы, если это

понадобится. Или вовсе запретит выставлять материал на всеобщее обозрение. Как говорят: *кто смел, тот и съел*; кто хотел послушать, тот послушал, а слушал тот, кто знал, что фон Краузольд направлялся к ней в студию и ждал момента, чтобы расправиться с ним.

Но почему все произошло после, а не до эфира? – рассуждала журналистка. Почему вообще все это произошло, и кому была выгодна смерть человека, едва ли не последними словами которого были рассуждения о тайнах, связанных с Янтарной комнатой? А может, если она разберется со всем этим, она сможет не только получить очки в глазах начальства, но и занять более высокое место в их кампании. Да, стоило попробовать. Наверное, все страхи надуманные, и произошедшее с пожилым человеком – досадная случайность, никак не связанная ни с *янтарным призраком*, ни с ней самой.

Благополучно добравшись домой на Кутузовский, и не потратив времени на пресловутые московские пробки, Ольга первым делом позвонила в редакцию. *Нет, материал еще не готов, пока только сняли черновик*; из которого следовало убрать всякие междометия и причесать незавершенные или неудачные предложения. Договорились, что через сколько-то минут она получит свой материал на почтовый ящик, и сама подготовит к его Интернет-публикации.

Обсудив важный нюанс, Ольга погладила охаживающего вокруг ног кота, единственного жителя ее большой кварти-

ры, оставшейся в наследство от бабушки. С тех пор, как она рассталась с бойфрендом, так и не сумев построить отношения, о которых мечтаешь, решившись жить вместе, она пребывала в состоянии затаенного ожидания. Глупо, но доступ к ее сердцу был открыт; глупо, но она, словно классическая одинокая дева, жила на пару с породистым котом. *Сэр Грэй* был довольно взрослым голубым британцем; оставшимся в квартире как единственный подарок недавнего возлюбленного, все фотографии и милые безделушки, которыми обмениваются влюбленные, давно пошли в урну. Нет, Ольга не была жесткой и бессердечной, но она усвоила правило: *уходя – уходи*, раз и навсегда, без сожалений, которые как раз и вызываются милыми штучками, остающимися как напоминания о счастливом прошлом.

Оставив *Сэра Грэя* с хорошей порцией кошачьей еды, женщина села за компьютер. Она решила просмотреть материалы, собранные в ходе подготовки последнего цикла программ по Янтарной комнате и Кёнигсбергу, где нацисты проводили некие секретные исследования. Работы предстояло много, ведь следовало бы еще прочесть все материалы ее программ за последнюю неделю. А вдруг там найдется зацепка? И уже тогда, по свежим следам, пытаться вникнуть в то, что говорил ей фон Краузольд.

История раритета начинается свой отсчет с имени Фридриха I. Представитель династии Гогенцоллернов, поименованный первым королем Пруссии, Фридрих I (1657–1713) родился в Кёнигсберге. Он же (не зная, важно это или нет, отметила про себя Ольга) приказал на новом королевском гербе разместить не красного бранденбургского, а черного прусского орла. Этот орел был единственным звеном, связывавшим королевство с Тевтонским рыцарским орденом, который властвовал в Пруссии до своего роспуска в 1525 году.

Задумав украсить Большой королевский дворец в Берлине, Фридрих I повелел главному архитектору прусского двора Шлютеру придумать нечто оригинальное. Так возникла идея использовать в отделке одной из дворцовых комнат янтарь – местный материал, коего вдоволь хранилось в дворцовых кладовых. Для работы с янтарем был приглашен из Копенгагена мастер Вольфрам. Однако в 1713 году, со смертью Фридриха I, работы прекратились.

В 1716 году Петр I встречается с новым прусским королем Фридрихом Вильгельмом I, и получает в подарок Янтарный кабинет, разобранный и не имеющий того окончательного величия, который обретет впоследствии на новой родине.

Фридрих Вильгельм I, король Пруссии из династии Гогенцоллернов, рожденный в Кенигсберге. Друг Петра I.

Через два года русский царь послал пруссаку ответный

подарок: собственноручно изготовленный кубок и гренатеров. По архивным документам в период 1714–1717 гг. Петр I выслал в Берлин две партии по 80 и одну в 55, а всего 215, своих великорослых солдат. Потомки петровских гренатеров создали в Потсдаме свой клуб «Высокие парни»; многие из них чтят свои русские корни, а кое-кто даже говорит на языке предков.

Король Прусский благодарит царя за «великанов».

Петровская разведка или агенты влияния? – не отвечая, Хлебникова самой себе задала риторический вопрос.

* * *

Звонок телефона вывел из задумчивости; это Амза решила проверить, все ли в порядке у подруги. Перекинувшись парой фраз, Ольга вновь приступила к чтению.

Глава 5

Калининградская область, окрестности Балтийска

Багровое солнце медленно катилось к закату. Андрей сложил весла и уключины на днище старого, выкрашенного шаровой краской ялика, качаемого волнами. На противоположном берегу песчаной косы Фришес-Нерунг мерцали огоньки базы Балтийск. Официальные сведения могли бы поведать любопытному, что:

Балтийск (с 1626 до 1946 гг. немецкий город Pillau; Пиллау) – город в Калининградской области Российской Федерации. Вся Калининградская область находится на бывших прусских землях, издревле славившихся обилием меда, рыбы и янтаря. Балтийск расположен на берегу пролива, соединяющего Калининградский (Вислинский) залив с Балтийским морем, и известен сейчас как самый западный город России и база Балтийского флота. Население города составляет немногим более 33 тысяч жителей.

Город Балтийск на старом фото.

Но куда как важнее официальных были неофициальные и мало кому доступные сведения, тем не менее хорошо известные человеку, решившему порыбачить на вечерней зорьке.

Рыбак Андрей, физически крепкий *свой* человек, живущий на постоянной основе на конспиративном объекте, был подполковником спецназа ГРУ. О чем, конечно же, никто из малочисленных соседей не подозревал. Те немногие, с кем Андрей общался, отмечали его как простого собеседника и человека, не лишенного определенных приятных дарований: мужчина играл на гитаре, неплохо пел и даже, вдохновляемый божественной суровостью края, пописывал стихи. В отдельные дни и сам Андрей, имевший за плечами четыре

высших образования, закончивший разведывательную подготовку в замке и облеченный высоким воинским званием, словно бы напрочь забывал обо всем этом, и, погружаясь в гармоничное слияние с микро- и макрокосмосом, чувствовал себя вполне счастливым сельским жителем, отшельником на краю мироздания. Не от того ли, что сидела в нем обида на великую Родину-мать, которая словно забыла о своем сыне, на уникальную подготовку которого было затрачено столько энергии, сил и средств?

Рыбак, сложив весла на днище ялика, окинул взглядом окрест; огни Балтийска отражались на водной глади через призму зеркала хитрого искусственного островка, расположенного на середине общего расстояния.

Островок этот был вручную построен рыцарями Тевтонского ордена для организации воздушной вентиляции подземно-подводного туннеля.

Богатый улов не крупной свежей камбалы быстро перекочевал из мелких ячеек сети на днище лодки. Погода стояла чудная, волнение в акватории залива было нулевое, ветерок приятно обвевал лицо.

На берегу Калининградского, или Вислинского, а по старо-прусскому именованию на берегу залива Фришес Хафф в его рыбацкой заимке Андрея поджидал гость. Домик-ориентир, продуваемый всеми ветрами, стоял на добротном ка-

менном фундаменте. Он хорошо сохранился после войны, и все еще был крыт древней замковой черепицей. Однако свет и другие удобства в неказистом старом немецком строении отсутствовали. Это строение в 40-е годы XX века использовала охрана замка СС Бальга.

Замок Бальга (Balga) был построен на месте возникшей примерно в V веке прусской крепости Honeda на рубеже 30–40-х г.г. XIII века (ныне рядом, на побережье Гданьского залива, село Весёлое). С трех сторон замок защищали рвы, с четвертой – вода залива. Каменный замок Бальга стал первым укреплением Тевтонского ордена на территории Пруссии. Что позволило тевтонцам в 1255 году заложить строительство замка Кёнигсберга. Замок Бальга существенно разрушен еще при Фридрихе I в начале XVIII века; строительный материал шел на постройку новой крепости Пиллау. С 1929 г. в частично реставрированных помещениях располагался музей краеведения, который курировался замковым смотрителем. Во время Второй мировой войны замок Бальгу прицельно обстреливали, отчего сооружение было сильно повреждено.

Замок Бальга на старом фото.

Важный нюанс: почти все замки Восточной Пруссии были разрушены союзниками в годы Второй мировой войны. Тайный умысел содеянного остался в стороне от внимания историков.

Развалины замка Бальга.

На территории комплекса в послевоенные годы велись активные поиски Янтарной комнаты, что включало в себя бурение и добавило разрушений. Рядом находится небольшой немецкий мемориал-кладбище.

В конце XX века, в 1993–1995 г.г. немецкая сторона предлагала финансовую помощь в консервации и частичной реставрации уникального архитектурно-исторического памятника Бальга, но получила отказ от областных властей.

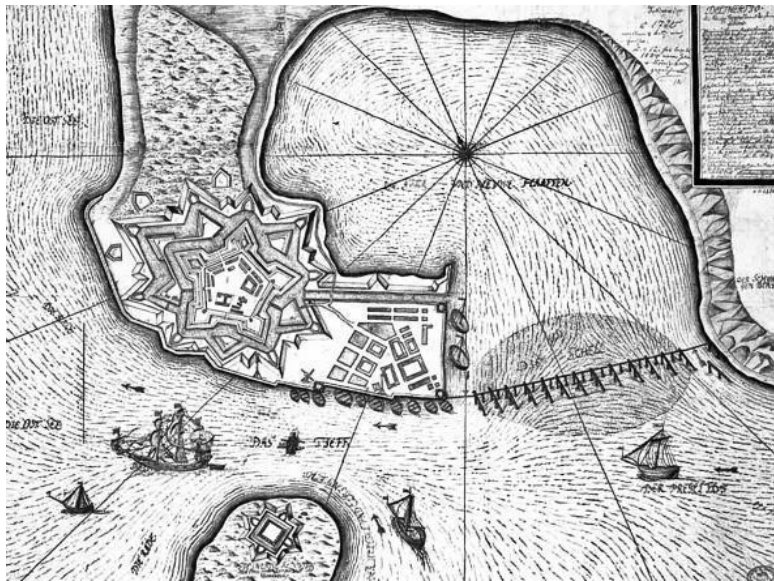
Любопытно, что в 1994 году американцы из компании «Всемирные поиски» обследовали замок Бальгу, а заодно и многие другие объекты, в годы войны относившиеся к ведомству черного ордена СС. Что конкретно искали американцы, и что хотели отследить немцы на территории бывших Тевтонских замков, мог знать лишь очень узкий круг посвященных.

Если бы у вас под рукой была карта 1720 года, вы бы увидели замок-крепость совершенно необычной конструкции и магической системы защиты в виде наложенных друг на друга звезд.

А если бы вы поднялись так высоко, что оказались бы в космосе, то смогли бы восторженно любоваться вот такой панорамой на пролив. чтобы увидеть то же самое.

Крепкий домик под замковой черепицей, в котором жи-

ла семья Андрея, в 40-е годы XX века использовался охраной замка СС Бальга, – специально обученные эсэсовцы осуществляли присмотр за входом в подземные коммуникации чрева Лысой горы. Секретный туннель из подземного бункера вел по днищу залива через маленький безымянный островок в базу германских субмарин на Пиллау. Далее глубокая крысиная нора двигалась через песчаную реликтовую Куришскую косу на Моонзундский архипелаг.

Магическая архитектура замка Бальги на карте 1720 года.

которому было уже за пятьдесят, наконец с удовольствием принялся за угощение.

Глава 6

Москва, Новый Арбат

В понедельник, по дороге на работу Ольгу перехватил какой-то незнакомый человек. Она не сразу заметила, что кто-то целенаправленно приближается, и только когда незнакомец обратился к ней, стараясь говорить очень тихо, но отчетливо, она осознала, что цепь событий закручивается дальше, вовлекая ее в свой круговорот.

– Вы должны мне помочь.

Ольга лишь вопросительно взглянула на незнакомца, не останавливаясь и не замедляя шаги. Она попыталась осмотреться, есть ли поблизости кто-нибудь, к кому можно будет обратиться в случае чего.

– Вы должны передать мне вещь, которую оставил вам ваш пятничный гость.

Звездочет не знал, был ли действительно у фон Краузольда с собой какой-нибудь предмет, чтобы передать его радиоведущей. Но она была последним человеком, который длительное время разговаривал с ним, и если пожилой мужчина почувствовал слезку или, более того, опасность, он мог предпринять попытку отдать свое сокровище малознакомому человеку, у которого впоследствии, когда все сомнения относительно опасности развеются, его можно будет забрать.

А единственным человеком, не вызывающим подозрений, могла быть Ольга Хлебникова с ее поверхностными знаниями о теме разговора. По крайней мере, до сего дня эта любительница исторических тайн ничем не отличалась от своих коллег, падких за дешевыми сенсациями, и не могущих провести скольнибудь серьезного расследования, требующего специальной подготовки и специальных знаний. Успех любого журналистского расследования зависит от того, включается ли в него заинтересованная сторона, зачастую имеющая отношение к разведке.

В силу опыта и знаний Звездочет был вынужден просчитать и вероятность того, что у этой молодой и довольно привлекательной женщины окажется *тайное искомое*. Которое было у Якова Сигизмундовича фон Краузольда, и теперь вот бесследно исчезло.

И короткая заминка, не могущая ничего пояснить другому, у Звездочета вызвала уверенность, что он на правильном пути. Его натренированная годами интуиция стала сродни обонянию у хорошей собаки.

– У меня ничего нет. Мне никто ничего не оставлял.

Другого ответа ожидать не следовало. Мало того, еще окажется истеричкой, и начнет созывать на помощь. Мужчина постарался успокоить жертву своего напора.

– Я не имею отношения к тому, *что* с ним случилось. Понимаете?

Она едва заметно кивнула. Было понятно, что женщина

напугана, но пока держится, лишь пытаюсь ускорить шаги и оторваться от преследователя. И тогда он пошел ва-банк:

– Вы в опасности. Я могу помочь вам. Только отдайте то, что вам не принадлежит.

Ольга поняла: в этот первый панический момент она согласна отдать ему все, что он просит, и будь при ней сейчас та злосчастная пластина с глупым рисунком, она бы охотно рассталась с ней, только бы он отстал. Навсегда.

Вместо этого она повернула к нему лицо, чтобы получше рассмотреть того, кто собирается ей помочь, и дрожащим голосом, но весьма уверенно сказала:

– Идите прочь, у меня ничего нет.

Большие стеклянные двери высотного строения разъехались, пропуская посетительницу внутрь.

* * *

Фон Краузольд приехал в Россию из Германии. Этническому немцу Якобу не нужна была слишком громоздкая легенда, чтобы вжиться в образ. Его легенда могла бы с легкостью совпасть с его личной родословной и биографией, за исключением некоторых моментов. Решающих моментов.

Его предки сыграли свои странные роли в истории двух некогда могучих держав: России и Германии. А его отец оказал весьма ценную услугу «главному преступнику XX века» Адольфу Гитлеру, когда его бумаги, бесценные древние сви-

детельства, с трудом добытые в годы гражданского лихолетья на территории терзаемой врагами Российской империи, оказались в одном из секретных нацистских институтов «Аненэрбе». Курировал систему из 50 научно-исследовательских институтов «Аненэрбе» глава Черного ордена СС, главный гитлеровский маг Генрих Гиммлер.

Глава 7

Боровско-Пафнутаевский монастырь, 20-е годы XX века

Раним июньским утром 1920 года от Рождества Христова в ворота древней христианской обители – Боровско-Пафнутаевского монастыря – постучался одинокий странник. Революция семнадцатого года погрузила Русь в смуту, голод, хаос и огонь. Непаханные поля, пустеющие деревни, стаи черных голодных воронов крылами своими закрывали солнце. Разум мерк. Разруха и зловонный смрад убивали в человеке творца и его прямое предназначение *жить, творить, создавать*.

Одинокие грязные и босоногие путники день за днем брели за лучшей долей, но не было конца и края ни их мукам, ни мукам отеческой земли. Вместо животворящего духа живой земли-матушки ноги скитальцев выбивали из мертвой сухой дороги серую зрящую пыль. Зверь в лесу был напуган, птицы перестали петь, в чащобах и бескрайних русских полях поселились горе и печаль. Красный конь революции проскакал от Балтийского моря до Тихого океана.

Какие демоны управляли этим огненным пегасом?

Рыжий монах Никифор приоткрыл маленькое истлевшее дверное окошко и тихо спросил:

– Тебе кого надобно, одинокий странник?

– Я хотел бы видеть игумена Власия.

Калитка больших кованых монастырских ворот с грохотом и скрипом отворилась. Высокий, с белым высохшим лицом и тусклыми впалыми глазами монах, придерживая руками длинные полы старой выцветшей и заштопанной рясы, шаркая босыми ногами по булыжной мостовой, провел странника в помещение маленькой кельи, где и просил ожидать решения старца. На дворе были лихие годы монашеских бед и гонений.

Боровско-Пафнутаевский – один из самых древних и самых суровых монастырей Подмосковья стоит при впадении реки Истерьмы в Протву. Основанный в середине XV века игуменом Покровско-Высоцкого монастыря Пафнутием, он в течение двух веков являлся оборонительным укреплением юго-западных границ Московского княжества. В центре монастыря – многоглавый, чудо как хорош собор Рождества Богородицы с росписями XVII века. В стенах этой мощной крепости умерла боярыня Морозова и томился в заточении протопоп Аввакум.

Черников. Схема Боровско-Пафнутьевского монастыря.

Вид с высоты птичьего полета.

Красный террор большевистских гонений на Церковь был в самом разгаре. Отец Власий и братья в тревоге и нужде переживали недобрые времена, но гостя решили впустить и выслушать. Оборванный и голодный странник снял из-за плеч торбу со скудным скарбом. В холщевой сумке одиноко лежала краюха сухого ржаного хлеба, аккуратно завернутая в белую тряпицу, деревянная ложка, кружка и чистая сменная льняная рубаха. Отломив маленький кусочек хлеба, странник медленно вкушал, запивая хлеб студеной колодезной водой. Закончив трапезу, перекрестился, смахнул крош-

ки в рот, убрал кружку в холщевую торбу, завязал ее веревкой, тяжело вздохнул. Затем странника провели в монашеские покои, там перевел он дух, затушил лампадку и отошел ко сну.

Утром третьего дня с восходом солнца Никифор постучал в келью странника, передав, что его хочет видеть отче. С порога игуменского покоя слышал гость сухой и тихий голос: «Ну здравствуй, мил человек». Странник дошел до Власия, упал на колени, словно пред иконой преподобного заступника Пафнутия, покорно склонил брENNую голову, затем чуть приподнявшись, поцеловал руку отца.

– Какие помыслы, дела или чаянья привели тебя к нам в обитель, мил человек?

Свой кроткий взор ходок устремил в красный угол, где теплилась и коптила лампадка, слабо освещающая лик преподобного Пафнутия, который в этом блаженном свете, казалось, излучал неземную благодать. Этот незаметный жест не ускользнул от внимательных очей старца. А странник тихим голосом произнес:

– Во славу божью, отче.

Игумен ответил:

– Воистину слава!

Гость пришлый вынул из котомки краюху ржаного хлеба, разломил его, достал оттуда хитроумно спрятанную записку, протянул игумену, обнажив белую и холеную руку дворянина. ...Так в стенах обители появился новый молодой по-

слушник иеромонах Савва.

– Послушание твое проходить будет в монастырской библиотеке, – подытожил короткую встречу игумен.

Огромное библиотечное собрание древних источников находилось глубоко в подzemелье монастыря. Под сводами подземного хранилища, выложенными искусно красным кирпичом, на длинных деревянных стеллажах покоились пыльные фолианты, покрытые, словно лоскутным одеялом, густой паутиной. Длинные пальцы Саввы с трепетом коснулись древних манускриптов, сердце тревожно ёкнуло, вековая пыль ударила в нос, запершило горло.

Вот в руки Саввы медленно переключал древний пергамент, в котором была изложена история гонимой боярыни Морозовой, тело которой, истомленное неволей, испустило дух в каменном мешке монастыря. Странно писалось в пожелтевших документах и о приисках самоцветных. День за днем, вечер за вечером – все свободное от молитв и подворной работы время просиживал Савва в монастырских подземельях. Пока глаза послушника не слипались и не догорал керосин в лампе.

Благодаря бдению прочел Савва о катакомбах-рудниках и подземном ходе, который мог привести тайных путников в Верейский кремль. Возможно, здесь, – размышлял иеромонах, – хранится ключ к тайне сокровищ гиперборейской библиотеки Ивана Грозного.

Благодаря труду неустанному заполучил Савва и то, что

пришел искать в монастырь, а среди прочего – *карту, изготовленную из выделанной козьей шкуры; согласно древней схеме, из Боровско-Пафнутьевского монастыря шел подземный ход на Боровск, далее через село Высокое по старому руслу реки Протва – на Верею.*

Спрятал Савва сокровище, и никогда боле не расставался. И ведь пригодилось. Однажды, просиживая в хранилище, Савва услышал глухие шаги, шарканье ног торопливо приближалось. Вскоре на каменных ступенях подземелья тяжело дыша и покашливая, показался рыжий монах Никифор. Свет от свечи не давал возможности рассмотреть его мертвенное лицо. Монах испуганным голосом сообщил, что в монастырь нагрянули красные бесы и всех братьев с пожитками собирают во дворе монастыря.

– Хорошо, ступай наверх, брат Никифор, я сейчас поднимусь.

Савва ловкими движениями собрал давно приготовленные да припрятанные самые важные артефакты, завернул их в тряпицу и аккуратно засунул за пазуху. А затем шмыгнул, как мышь, в тайный подземный мир...

Через какое-то время в селе Высоком Калужской губернии появился завидный жених, тракторист-стахановец Семен Павлович Бурмистров, живший там пока не перебрался в Подмосковье. А те, кто знал его – братия монастыря и игумен Власий – давно страдали за Христа в ленинско-ста-

линском гугаге на Соловецких островах. На западной границе Советского Союза было неспокойно, время неутомимо двигалось к войне.

Глава 8

Москва, Новый Арбат

Сидя в офисе и просматривая статьи на своем компьютере, Ольга Хлебникова почувствовала некоторое успокоение. Она должна разобраться с этой ситуацией, должна проявить характер. Перво-наперво, решила журналистка, надо забрать пластину... *а, может, у подруги она находится в большей безопасности? Ладно, после приму решение...* Отчего-то теперь она больше не сомневалась, что пластина создана из цельного куска янтаря, и никакая не подделка современных технологов.

Имея в запасе время, Ольга решила сопоставить для себя ключевые моменты в ее теперь персональном «деле о Янтарной комнате», продолжив тем самым то, чем занималась в прошедшие выходные.

В 1755 году императрица Елизавета Петровна (которая царские документы иногда подписывала красноречиво: «королева Прусская») приказала собрать Янтарную комнату в Большом дворце Царского Села. К 1770 году шедевр великого Растрелли талантом русских мастеров наконец приобрел свой окончательный волшебный вид.

В годы Второй мировой вместе с немецкими частями, ворвавшимися в Царское Село, прибыли специалисты из ко-

манды «Кунсткомиссион». Бесценное панно демонтировали (или же оно было демонтировано и собрано в ящики загодя, до наступления немцев, в целях эвакуации, – здесь сведения различались) и переправили в Кёнигсберг. Национал-социалисты считали, что раритет, созданный прусскими мастерами из прусского янтаря, должен вернуться домой. В 1942 году Янтарная комната была выставлена в Кенигсбергском замке. В дарственной книге Кенигсбергского музея под номером 200 значилось, что комната подарена музею Германским государственным управлением дворцов и садов. Директор музея Альфред Роде в 1944 году писал, что Янтарная комната, вернувшись на свою родину, стала лучшим украшением Кенигсбергского музея. Позже именно Роде уверял советских победителей из следственного отдела СМЕРШ, что бесценное сокровище погибло в огне пожара.

Янтарная комната.

В 1942 г. Янтарная комната была выставлена в Кенигсбергском замке.

Некоторые источники в процессе расследования обнаруживают очень странное обстоятельство: в феврале 1944 года Альфред Роде распоряжается демонтировать Янтарную комнату, сложить ее в ящики и снести в подвал замка. Фронтальная обстановка еще терпима, и нет срочной необхо-

димости прятать раритет, если только не поступит приказ свыше. В Кенигсберге остались лишь части от волшебного великолепия: двенадцать зеркал, шесть цокольных пластин и три флорентийские мозаики (частью уничтожены при бомбардировках в конце августа 1944-го). Возможно, Роде упаковал только изначально немецкую Янтарную комнату, без деталей, созданных трудом мастеров в России.

Здесь собирались прусские рыцари «Черного орла»; здесь же хранилась бесценная коллекция директора Кенигсбергского музея Альфреда Роде.

Открытка начала XX в.

И – зацепочка – выдающийся немецкий искусствовед, специалист по янтарю, фанатик солнечного камня, настаивавший в письме от 9 августа 1941 г. к Эриху Коху о скорейшем перевозе Янтарной комнаты из Царского Села в музей Кенигсберга, доктор Альфред Роде умер вместе с супругой при невыясненных обстоятельствах в декабре 1945 года. Или не умер?! Имеются сведения, что в один из дней, когда оперативная группа приехала в особняк Роде на Беекштрассе, 1, дверь оказалась открыта, всюду царил беспорядок, а соседи сообщили, что супругов Роде забрали в больницу. В больнице оперативникам предъявили записи, что супруги скончались от желудочного кровотечения, и даже сообщили место захоронения. На кладбище «Луиза» среди новых могил отыскался холмик с деревянным крестом, под которым покоились, как было написано, «Эльза и Альфред Роде». Но раскопки показали: могила фальшивая!

Еще в июне 1945 года доктор Альфред Роде говорит консисторскому советнику Густаву Адольфу Рихтеру загадочные слова, что Янтарной комнаты, как и работ из его художественной коллекции, больше нет... Что имел в виду ученый, думал ли он, что янтарный шедевр уничтожили или знал, что он применен в ином качестве и в ином нацистском проекте?!

Ольга Хлебникова решила, что если в ближайшие дни ничего не прояснится и она не начнет чувствовать себя в пол-

ной безопасности, то придется попросить у начальства отпуск. И поехать куда-нибудь в очаровательное место, с пляжем, морем и обязательно пальмами.

Именно об этом она вдругорядь подумала, когда покидала здание на Новом Арбате. Оглянувшись по сторонам, она не заметила ничего подозрительного, и, игнорируя троллейбусы, пошла по направлению к Смоленской; она и в самом деле любила этот отрезок проходить пешком, и часто ездила на работу городским транспортом, чтобы не заморачиваться с парковкой. К тому же Кутузовский, где жила Ольга Хлебникова, согласно карте, плавно переходил в улицу Новый Арбат. Великолепная высотка на треугольнике Смоленской-Сенной площади всегда вызывала в ней чувство праздничного триумфа, словно она – приглашающая именитых гостей и опрашивающая их в студии, она, язвящая и выпытывающая, но всегда дающая им возможность выказать свою гордость за страну, ее глубокую историю и величие – сама причастна к дипломатическим победам России. Ольга окинула взглядом МИДовскую высотку с ее венечным шпилем, с массивными входными дверями и мышинными норками тайных входов, и продолжила путь, но не шла в метро, а почему-то направилась к Смоленской набережной. Возможно, это навязчивые мысли о море и отдыхе вели женщину к воде. Ольга давно заметила, что вид колеблемой легким бризом воды благостно действовал на ее нервы, заставляя не только чувствовать умиротворение, но и внутреннюю собранность.

Она не думала, что там может быть мало народа или ее может поджидать опасность. *В такой прекрасный день ничего не должно случиться*, – подумала журналистка. Посматривая на открытые придорожные мини-кафе, на незнакомцев, попивающих за столиками пиво или кофе, на поглощающих легкие закуски людей, разговаривающих или наблюдающих за движением машин, она захотела присесть в укромном месте и заказать себе чашку дымящегося напитка.

В этот момент мужчина, шедший в некотором отдалении от журналистки, вдруг – увидев *нечто* и мгновенно сориентировавшись – закричал во весь голос, выкрикивая женское имя. Но Ольга не услышала, шумная Москва и мысли, занимающие ее внимание, не дали возможности понять, какой опасности она подвергается. Александр, незаметно ведущий женщину по всему только что пройденному ей маршруту, уже бежал со всех ног, чтобы успеть предупредить, он несколько раз еще крикнул: *Ольга!* Но ничего не происходило, кроме того, что на Ольгу с большой скоростью направлялся автомобиль, и единственное, что оставалось – это действовать по инерции. Александр приближался, но и автомобиль приближался к потенциальной жертве. А женщина, не успев ни о чем подумать, лишь увидев лицо сидевшего за столиком летнего кафе, опешила. И в эту минуту кто-то, буквально проскочив перед капотом, прыгнул на нее. Спаситель в прыжке обхватил ее голову и верхнюю часть туловища, и уже на земле, крепко прижимая к себе, перекатился подаль-

ше от края, от того места, где тротуар граничит с дорогой, и где только что промчался убийца.

Прыжок сбил их обоих с траектории движения машины. Авто, взвизгнув и выписав зигзаг, вырулило на дорогу и умчалось, теряясь в потоке транспорта. Грохнули на землю пустые столики, стулья, официантка, показавшаяся из дверей кафе, от неожиданности выронила поднос, стеклянные бокалы, словно в замедленной съемке, все падали и падали вниз...

Глава 9

– Вы не ушиблись? – Он спросил, помогая ей подняться. И она поняла, что этот человек, тот, которого она гнала сегодня утром, спас ее от больничной койки или даже от смерти.

– Нет, – ответила она и попыталась улыбнуться.

– Я случайно оказался рядом, – сказал он, и она поняла, что это шутка.

– Спасибо. Спасибо, что оказались рядом.

Женщина потеряла ушибленную коленку и поморщилась.

– Я был неловок.

– Да уж.

Ей захотелось расспросить его, узнать о нем как можно больше, чтобы понять: можно ли ему доверять. А для этого следовало подольше побыть вместе. Словно уловив ее мысли, Александр предложил:

– Давайте пройдем немного, думаю, там тоже будет кафе.

Она согласно кивнула. И охотно оперлась о его руку, когда они пошли дальше. Опешившие до того посетители, успевшие спасительно рвануть к стене кафе с тротуара, на котором за коротким оградительным заборчиком стояли их столики, теперь явно оживились, кто-то громко сказал вслед уходящей паре: «Вот это герой», и Ольга еще сильнее сжала руку своего спасителя.

Но вместо разговора они молчали, наслаждаясь получен-

ной свободой жить, мыслить, дышать. Они уже давно вышли на Смоленскую набережную и направились вдоль нее, пройдя запрятанный во дворе круглый дом, домик в виде стилизованной пагоды и только тогда остановились, чтобы посмотреть друг на друга.

– Александр, – представился мужчина.

– Ольга. Но вы, наверное, знаете. Да, точно знаете, – уточнила она.

Они зашли в первое же кафе, играла легкая, спокойная музыка, все располагало к медитативности, задумчивости, интимности. Она согласилась, чтобы он заказал выпить, и вскоре им принесли по бокалу, ему – коньяк, ей – махито. Ее сердце еще колотилось, но она растягивала удовольствие, потягивая пряно-мятный напиток.

– Я не знаю, что сказать, – осторожно начала она.

– А и не надо. Просто вам надо отдать мне то, что вам не принадлежит, и что совсем вам не нужно. Вы же понимаете...

Он не успел договорить, как зазвонил телефон. Она извинилась, решив ответить на звонок и за это время успеть обдумать ответ на его предложение. Она показала на трубку, он понимающе пожал плечами. Но звонок не дал возможности сосредоточиться.

Вся в слезах звонила Амза. Из сбивающегося речитатива Ольга поняла, что сегодня в квартире Амзы кто-то побывал, но состоялось ли ограбление – непонятно, пока что хозяйка

квартиры стояла посреди учиненного беспорядка. И первое, что она сделала – позвонила подруге.

Ольга передала содержимое короткого разговора своему товарищу; впрочем, Амза говорила громко и, возможно, он и так слышал практически все, что говорилось на другом конце невидимой телефонной связи. Да и потом, возможно, подумала Ольга, он сможет что-то посоветовать, подсказать, тот ли это случай, когда следует вызывать полицию, или стоит повременить и все обдумать на месте. А он уже рассчитывался с барменом, оставляя на столе недопитый бокал коньяка. Ольга залпом проглотила коктейль, словно ее горло высохло от волнения, опустила телефон в карман, и, прихватив сумку, направилась к выходу.

– Мне надо к подруге.

– Я знаю. Но мы поедем вместе.

Она поняла, что в душе очень благодарна ему за это *вместе*, благодарна за все, что он успел сделать для нее за столь короткий срок.

Они вышли из кафе и почти сразу же поймали машину; ей показалось странным, что он пропустил несколько хороших возможностей, когда возле них притормаживали остановленные его взмахом авто. Но он решил сесть только в третью или четвертую, благо, в Москве хватало желающих потаксовать. За рулем оказался уроженец Ханты-Мансийска, он зачем-то сам заговорил с пассажирами о себе и своем давно оставленном городе, может, от того что адрес, назван-

ный женщиной, предполагал длинный маршрут. Он ехал, говорил, время от времени сверяясь с навигационной картой. Ни Ольга, ни Александр не стали говорить, что карта – это блажь, и что коренные москвичи всегда знают пути короче, чем те, что показывает электроника.

Александр, это его имя, – подумала про себя Ольга, и тут же на ум пришло, что среди жертв Янтарной комнаты также был Александр, —

Выдающийся русский фантаст Александр Белаяев (1884–1942); воспитанник духовной семинарии, выпускник Демидовского лицея в Ярославле, человек, которому сопутствовали мистические совпадения, и который обладал экстра-сенсорными, как сказали бы сейчас, талантами. Да кто не читал его книг или не смотрел экранизированные по его романам фильмы?

Рассказы и романы-гипотезы «Голова профессора Доуэля», «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Человек-амфибия», «Борьба в эфире», «Прыжок в ничто», «Властелин мира», «Человек, потерявший лицо», пьеса «Алхимики», а еще – «Подземные земледельцы», «Под небом Арктики», «Чудесное око» и последний роман, написанный в 1941 году – «Ариэль». Все произведения писались в годы великих потрясений в науке, когда человек возмнил себя творцом наравне с Творцом сущего. Может ли мозг, отделенный от тела, мыслить? Возможна ли пере-

садка мозга? Может ли кровь молодых стать источником молодости для престарелых? Применим ли анабиоз к маскам? Есть ли границы у внушения? А у генной инженерии? Может ли человек жить под водой? А в воздухе? – Вопросы, которые активно проверялись на практике в секретных институтах Советского Союза и в секретных институтах Третьего рейха.

Фасад Александровского дворца и памятник на могиле немецких солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.